

КИЖИ

Трёхпалубный теплоход отчалил от причала речного вокзала Санкт-Петербурга, внутриутробно заурчав машинами, подал голос протяжным прощальным гудком. Белым плавучим домом он двинулся по Неве в Ладогу, пропуская мимо себя уплывающий вспять берег со знаменитой архитектурой, сменяющийся берегом исковерканным беспорядочными громоздкими складами, кранами и уродливой промзоной, не оставляя и помина от великолепия питерской набережной. Когда же теплоход вышел на середину реки и набрал нужный ход, то по сторонам пошли изумрудные берега, в зарослях которых виднелись редкие домики с красными крышами, как шляпки грибов среди густой зелени. А теплоход, знаток фарватера, уверенно без суеты продолжал шествие вперёд, и за ним неотвязно бурливым хвостом пенилась и ярилась взбитая винтом тёмная вода. В проёмы хмурой тучи, занявшей полнеба, пробивались редкие светоносные лучи; свежий бриз напаял воздух прохладой и доносил немислимые запахи от речной воды; и всё это напоминало пассажирам, расположившимся в шезлонгах на верхней палубе, что они отправились в суровые места и рассчитывать на погожие дни не следует. Но погода, как капризная женщина переменчива – то ветер задует, то солнышко улыбнётся. К тому же пассажиры, о которых пойдёт речь, народ закалённый, вятские ребята, летним теплом не избалованные, им солнышка, что через тучку блещет, вполне хватает для хорошего настроения, которое и так через край.

Три супружеских пары направлялись на теплоходе в Кижы, из них добрыми друзьями были мужья, верные одному делу – строительству электростанций на земле российской. Общие заботы, взаимное уважение и крайняя нужда в дружеской поддержке в крутые постсоветские времена держали их в одной связке. По всей видимости, мужчины двинулись в этот поход, не мудря лукаво, просто чтобы отдохнуть в хорошей компании от трудов праведных, да за новизной дорожных впечатлений. Жёны Петра и Марка, Светлана с Галиной с давних времён знали между собой, так как жили в одном краю, а Степанида с Дмитрием прибыли из Калининграда. Выходило, что одна Степанида оставалась в этой компании посторонней, не своей, хотя она со всеми и все с ней были дружелюбны.

Возраст пятьдесят кажется немислимо большим лишь на заре юности, но когда он наступает, то неожиданно острее чувствуется, как кипит горячая кровь и азартно бьётся в груди сердце, и поэтому в этой компании пятьдесят и пятьдесят с хвостиком уже никого не смущали, а даже наоборот! Зрелость есть, сила – о-го-го каждому, умом можно и с другими поделиться, и опытом тоже. Рослые, крепкие, достойные мужи и женщины им под стать, скорые на ногу, с блеском в глазах, ухоженные и приодетые по случаю, истинно русские красавицы.

Каюты им достались на нижней палубе – крохотные кубрики с кроватью и столиком, за занавеской душ и тут же удобства, вполне сносно, если лучшего никогда не видел. Пассажиры – люди из советского прошлого, а значит неприхотливые и без претензий. За претензии иной расчёт, а потому всё хорошо, всё просто замечательно! К тому ж ужин проходил в ресторане, где хозяйева теплохода исключили всякую повседневность – белые скатерти с белыми салфетками, свёрнутые в розочки, официанты в белых перчатках, вино в отполированных до блеска бокалах – всё вокруг сияло нарочито празднично, будто на показ, и всех вокруг называли «господа». Стоило делать революцию: господ вон на свалку истории, а из низов в товарищи, из товарищей опять же в господа!

У мужчин разговоры как всегда о делах. Дмитрий взялся рассказывать, как он со своим предприятием со всеми потрохами попал в ловушку и едва там не завис, но всё же чудом выбрался, и вот нате вам! Жив курилка!

– Вам что с Марком, – говорил он к Петру, – вы под крышей у топ-менеджера, ни он без вас ни вы без него, всегда с работой и оплатой, подряды – первым вам. А меня мой друг сбросил со счетов, для него строптив очень – вечно лезу с правдой маткой. Поэтому везде сам, через тернии продираюсь, правда, звёзды другим достаются. Помните кино? Только с кружкой к корове за молоком, а там уже начальник её доит. Так и я в кризис – куда ни ткнусь, везде уже кто-то побывал и ни с чем меня оставил.

– Кризис? Я сначала не понял, что в нашей стране кризис. Везде трещали дескать в Америке всё летит к чертям, но плохо верилось, известно – у них финансовая прочность нам и не снилась, и что у них кризис, то у нас коллапс, – констатировал Марк.

– Точно. В один момент на работе случился ступор – прекратилась оплата за сделанные работы, заказчики один за другим прервали заключённые ранее контракты, а я под эти контракты на последние два миллиона купил оборудование, гордился – сварка труб из нержавеющей автоматическая, людей обучил, производительность, думал, рванёт вверх. А вместо этого, наше ноу-хау легло жутким бременем, счета опустели. Куда не двинусь, везде глухо, а зарплату людям платить надо, а налоги, как камни на шее, топят. С экранов во всём информационном поле клянут директоров, натравливают на нас рабочих. И это государственный подход? Ничегошеньки-то мы от государства не требуем, кроме одного – создай нам, родина наша, нормальные условия для работы. Всё просто. Нужны нормальные условия. Так нет, со всех сторон руки выкручивают, да ещё и виноватым делают. И что меня спасло? Вы не поверите... Мои люди, рабочие. Да, да – именно они. Пришли и сказали: «Дмитрий Иванович, мы с вами. Мы вам верим. Говорите, что нужно делать?»

– Не удивительно, устроил ты, Митя, в управлении коммунизм, как при Советах. Работники станки ломают, ничего не берегут, а ты всех только журишь и вздыхаешь... Ни одного приказа о наказании, ни одного выговора, ни премии лишить за ущерб. Оплачиваешь учёбу их детям, стоматологов, санатории, ссуды на квартиры даёшь, за что контролёры кому не лень, тебя дерут, а ты всё терпишь, – встряла в разговор жена Дмитрия, Стеша, которая с первых дней работала вместе с ним в Калининграде.

– Женщина, тебе слово никто не давал. Хотя... Пусть так, как Стеша говорит. Зато кризис показал, что я прав. Рабочие верят, что я за них. Поэтому они дали мне спокойно принимать решения: лучшие кадры, золотой свой фонд отпустил на время в другие фирмы, чтобы семьи не страдали, частями выплачивал зарплату с расчётом остальное на потом. Сильно нуждаясь, все без нервов ждали, когда найдём выход из плачевного состояния. Мои помощники крутились день и ночь, и как только, так сразу схватили удачу за хвост. Ещё договор не был подписан на строительство завода, а в цеху уже кипела работа, видели бы вы – как люди старались! Красавцы! Как они истосковались по труду. Так и говорили: «Надоело сидеть без дела!» Это сейчас мы с ними выжили, ТЭЦ-2 пошла, и всё вроде нормализовалось. А сколько предприятий пошли в тот злополучный 2008 год ко дну! Надолго мне запомнится смертельный номер на выживание.

– Сдюжил, Митюша? Вот и молодец! Кто бы сомневался! И у нас с Марком безобразия хватает, с топ-менеджером связались от нужды, ты прав – рука руку моет, но легко и без штанов остаться! Тенденция у большого начальства такая. Конечно, любой кризис – это урок, но какой ценой даётся? Здоровье и силы не вернешь! Или я не прав? – обратился к Дмитрию Пётр.

– Конечно, прав. Но кто нас спрашивает? Шумят с экранов: «Кризис, кризис», глядь, а ты уже в нём, как в капкане, и тут, как говорится, за ценой не стоим! О себе я не думал, за спиной люди с надеждой, их жизни, их семьи. Вот я, как тягловая скотина, удерживал на дырявом мосту непосильный воз, – говорил Дмитрий.

– Бог не по силам испытаний не даёт, – сказала Галина, услышав краем уха про воз.

– Что главное в такой ситуации? – продолжал Дмитрий, – выдержка и чтоб без паники. С утра себе твердишь – чтоб не случилось, не психовать, будь спок, Дмитрий! И вечером тоже – Митька, не психовать!

– Это точно. В нашей работе мало ума, нужны железные нервы, вернее канаты. Чтоб любителям крысятничать оказывались мы не по зубам. Так выпьем, мои дорогие, за нас! Давайте, выпьем за энергетиков, истинных и преданных России мужиков! – поднял бокал Пётр, вальяжный и симпатичный, несмотря на лысеющую голову и авторитетный животик, – кировский директор, умеющий говорить красиво и пафосно. – Хорошо ведь сидим, отдыхаем, плывём себе в Кижии...

– Вы только посмотрите, кто сейчас приходит в энергетику... С какого перепугу, скажите, какой такой Чубайс встал возглавлять РАО ЕЭС, он же не бельмеса не рубит? Зато волочит на продажу всё, что в Союзе создавали. Иностранцы завидовали нам, нигде такой системы энергообеспечения всей страны не создано, кольцевая и взаимозаменяемая, а он её расчленил и в торг оптом и в розницу. Кто он, по-вашему, пониманию после этого, как не вредитель? – продолжал производственную тему Марк.

– От нашего понимания что меняется? – опять вмешалась Стеша, – чтоб по-Чубайсовски вытворять в энергетике – надо высоко сидеть, он и сидит так высоко, что смертным не достать. Похоже, за великие заслуги выдан ему на руки карт-бланш, а своя рука как водится, владыка, а ручки-то у этого господина корыстные, загребушие. Да и можно ли от махинатора ждать дела, да ещё в энергетике? То-то. Надутые щёки, показная сиюминутная выгода, а разор страны не в счёт.

– Однако мы с вами посвистим, ушами похлопаем, не более, ведь от нас в данной ситуации ничего не зависит. Пусть пыжится и важничает, мы, настоящие ребята-энергетики, знаем ему цену, этот деятель в нашем деле гроша ломанного не стоит. Он разоряет, мы строим, такие как он разоряют, а мы строим. Судьба, куда от неё денешься? – подытожил Дмитрий.

– Так наливайте и выпьем за нашу судьбу, трудную, но славную. И за наших женщин, стоя, – громко провозгласил Пётр.

– Да, хватит вам, не даёте послушать, что там говорят... Объявили – после ужина будут танцы! Пошлите все на танцы! Кто согласен? Ну, вот, Петя, один ты не хочешь, – вклинилась в разговор Светлана.

– Ты же знаешь, я не танцую, грузен стал, иди без меня! – добродушничал, вытирая салфеткой пухлые губы Пётр.

– Пустишь – пойду! Люблю потанцевать! Я даже взяла специально для такого случая красную атласную блузку. Должна же я её надеть! Слышали? В десять танцы, давайте, приходите все!

– Пётр, а ты-то что будешь делать один? – озаботился Марк.

– Подремлю в своё удовольствие. А то всё времени не хватало – а тут никуда не надо спешить, телефон отключу и в каюте, в комфорте подремлю!

– А мы, Галя, с тобой разомнём ноженьки и вихрем до упаду, ты же, Маркуша, будешь зажигать! – подзадоривала всех Светлана.

– Мить, а ты пойдёшь на танцы? Ты ведь тоже любишь зажигать, – обратилась Стеша к мужу.

– А то! – засмеялся Дмитрий.

Просторный светящийся танцпол, оснащённый баром, в котором на полках в бутылках с яркими этикетками призывно ломился различных марок алкоголь, со столиками по краям зала, предназначался для любителей выпивки и безудержного веселья под оглушительные ритмы электронной музыки, под ор аниматора и ди-джея, для любителей буйного гулянья. Когда можно не сдерживаться, когда можно распотешиться, разрядиться на полную катушку, дать телу под вибрации барабанов самому выписывать кренделя и коленца, пусть конечности заводятся, как придётся, а прыжки, словно босыми пятками по углям, всё выше и задиристей – вот уж веселье, так веселье! В толпе, поймав кураж, давали жару Дмитрий и Светлана, Марк и Галина, разодетые специально для дансинга – джинсы, блузы, батники. В пятьдесят они не знали устали, и могли так-то выкаблучиваться долго. Кажалось, у Светланы искрилась радость и сила жизни больше, чем в ком-либо в этом зале, и её молниеносная ярко-красная блуза затмевала всех женщин разом. С испариной на порозовевших лбах, задорные и беззаботные танцоры вернулись к столику с вином в бокалах, за которым сидела Стеша. Она одна не шла в круг, а Дмитрий распалённый пляской то и дело её зазывал, не понимая её упорной сдержанности.

Ему не объяснить, что ей чужд топочущий табун, отбивающий в общем гуле ритм, от которого того гляди рухнет пол, под рёв тяжёлой музыки, грохочущей безудержно, будто разверзлась бездна. Стеша чувствовала, что её не задевает музыкальная какофония, и она не находила в себе отклика шальному сумасбродству, даже нога под ритм не отбивала такт. Что тут скромничать – когда-то она любила потолкаться со всеми и себя показать – вот как я могу, и было не слабо несколько часов повертеться, раздувая юбку у ног. Многие страсти ведут к разочарованию, а те ко многому раскаянью. Не к добру это, но с некоторых пор её стала томить тяга к бесконечным далям, туда, где плоть не правит бал, где предчувствие неведомых берегов сильнее жизни. Видно всему своё время, ей не хотелось дурачиться, надо оставить угар молодости молодым и будет простительно, а она уже прошла земной путь наполовину и та показала ей обратную сторону земных наслаждений, ведь у каждой медали две стороны. «Отбегалась, отпрыгалась, отпелась, отлюбилась – моя шальная молодость туманом отклубилась»... Это как раз по ней. А тут ещё ряженный чёрт выскочил на середину танцплощадки, проскакал с волчьим оскалом, и от этой выходки ей не смешно, хотя другие смеются. Странно, но её друзья в упоении пляски не заметили страшилище, зато Стеша заметила и возмутилась. Это уже никуда не годится! Нет, как хочет Митя, а она уйдёт отсюда, но куда? И Стеша, до этого смотрящая на уходящее солнце через стекло окна, вышла на палубу, благо дверь оказалась рядом.

Как хорошо здесь дышится, а вид какой! Нет, не только глаза расширились до предела, охватывая необозримый простор ночи, но вмиг вся душа Стеши разрослась и повисла на тонкой звенящей от тишины нити, вмещающей зримый и вселенский мир, потому что виденное, услышанное и осязаемое менялось местами с величием, связавшее во едино закатное солнце, небо и тёмные глубины Ладоги. Двенадцать ночи, а уходящее солнце не уходило насовсем за озор, его зрачок всё силился выбраться из-под век золочённых облаков, горя огненно-раскосым взглядом, охватывая зарёй полнеба, освещая теплоход на тёмно-бурой поверхности озера. Белой ночи словно невдомёк – то ли она прощается с

солнечным закатом, то ли уже встречает рассвет, так ничтожно время между ними. И Стеша, не отрывая своих глаз от солнечного ока, от полыхающего неба, от густой за бортом до самого горизонта черноты озера, дышала и не могла надышаться великолепием Божьего промысла. Ведь здесь не конец света где-то на окраине Ойкумены с конечной остановкой, и не тревожное море Балтики, а озеро, как море, сплошь вода, чёрная зыбь, которая лишней раз напомнила о непрочности бытия, но не Белой ночи здесь. Такая ночь была, есть и будет пока солнце встаёт над землёй и пока кружится земля... И у Стеши появилось ощущение причастности к чему-то не зависящему от человека, к безвременному и бессловесному, где не нужны из слов слова, где сущность говорит сама. И она удивилась – как далёкое и бескрайнее за горизонтом стало близким, а ведь ни руки подать, ни щекой не достать, а близкое, там за дверью, стало вдруг чужим и далёким.

Митя в открытую дверь позвал:

– Стеша, ну, что ты тут одна? Пошли к людям, – и вдруг ахнул. – Как красиво!

– Очень красиво! Я в зал не хочу, постой со мной здесь. И пора, Митька, уже в каюту.

– Ладно, пошли в каюту. Наши девочки и Марк всё равно уже собрались уходить. Наплясались, наскакались, утёрли нос молодым – пусть молодёжь дальше подмётки рвёт, а то совсем при нас расквасились. А мы что-ли с тобой пойдём баиньки? А?

– Нет, не обязательно, мне просто там не нравится, – махнула на дверь Стеша.

– Неужели, одной лучше?

– Бывает и лучше. Здесь во всяком случае. Когда вокруг такая красота!

– Красота, ничего не скажешь... Но вид суровый, лилово огненный над нами и под нами. Идём, Степанида, отсюда со мной.

По пути в каюту они обнаружили музыкальный зал, в котором элегантный, лысоватый, с франтовато повязанным шарфиком на шее топёр исполнял на фортепьяно импровизации на джазовую и не только джазовую музыку, и Дмитрий со Стешей остались там, благородно завершая ночное randevu.

Длилась упоительная ночь на теплоходе – под вино хорошая музыка, под хорошую музыку бесконечный закат за стеклом, и понимающий человек рядом только руку протяни!

Митя, улыбнувшись, сказал:

– Мы просто сразу с тобой не в тот зал попали...

Утро в Мандрогах. Теплоход причалил к берегу и толпа высыпала на берег. Солнце уже взошло и светило ярко, но не грело, сиверко не давал прогреться воздуху, а туристам снять с себя куртки. Деревенька Мандроги сделана специально для туристов в стиле аля”русия. Тут же почти прямо у причала в деревянном теремке – музей «водки», а как без спиртного встречать своих и иностранцев, не поймут ещё, какая же это русская деревня да без горячительного зелья. Здесь в музее всё для гостей! Взятый билет за сто рублей отоваривает сто граммов водки, а потом уж пробуйте раз за разом да по сто рублей за стопочку, кому как захочется. А мужчинам очень даже хочется испробовать напитки настоянные на разных травах, и они пробовали да не просто так, а с интересом, выслушивая и как бы запоминая рецепты, с щедростью вынимали сторублёвки за царскую водку. А жёны, как ласточки, не решались бросить кусочки глины в их дружные бокалы, хмурились, но им не мешали. Не браниться же с милыми всенародно? Заедали друзья музейные познания пирогами, кулебяками с клюквой, морошкой, запивали квасом равным браге, и на усладу им

вместо баяна концерт доморощенной рок группы на английском языке. Повсюду разукрашены лавки, будто лубочные картинки, в которых выставлены на продажу ручной работы матрёшки, деревянные ложки и разное кружевное вязево, сделанное в Мандрогах. Торговля предусмотрена по программе – тур для женщин, любителей потрясти мужнины кошельки, а для местных красавиц подспорье какое-никакое. Хлебосольные Мандроги ничем не удивили, но напоили, мама дорогая, накормили до отвала, увеселили, как сумели. И солнышко, будто масляный блин, разогрелось, разрумянилось, поддало тепла, будто лето пришло. Куртки с плеч и на руки, чёрные очки на носы – туристы! И когда гости наевшись, напившись, нагулявшись, развалились в душевной дрёме на лавочках да под тёплым солнышком, вятские свою песню затянули, мужские за женскими низкими голосами загромыхали, припев усиливали. Прихорошились Галина со Светланой, плечьми повели, глаза с поволокой состроили и начали:

Как хотела меня мать
Да за первого отдать –
А тот первый
Охи да неверный
Ой, не отдай меня мать!
Как хотела меня мать
Да за второго отдать –
А тот другий
Ходит до подруги...
Ой, не отдай меня мать!
Как хотела меня мать
Да за шёстого отдать –
А тот шёстый
Малость недорослый...
Ой, не отдай меня мать!
Как хотела меня мать
Да за сёмого отдать –
А тот сёмый
Пригожий да весёлый
Сам не схотел меня взять!..

Тут и теплоход подошёл. Пора в Кижы!

– «Что скажешь Стеша? Тебе здесь понравилось?» – «Хорошо поют наши кировчане. И говор у них особенный, то-то порадовали, так бы ещё послушала. А в Мандрогах кухня, надо отдать должное, добрая, борщ наваристый, пироги пышные! И место любопытное. С фольклором хозяева расстарались угодить, лишь медведя и шапки ушанки со звездой не хватило, а так всего вдосталь».– «А нам музей понравился, такие настойки нигде не попробуешь!» – «Так они же не вкусные!» – «Что вы понимаете? Скажи-ка, Марк, хороши ли были настойки те, что нам дед подавал? А царская, а медовая?» – «Чудо, как хороши. Весело так потопали по душе. Особенно хороши на кизиле, на листьях смородины, крыжовнике»... – «Да мы вам дома лучше сделаем! Не на листьях смородины, а на ягодках. Хотите с чабрецом, а хотите с лопушком!» – рассмеялась Светлана. А Марк в ответ:

– Дома будет не интересно!

После ужина ещё долго пассажиры находились на верхней палубе, созерцая водные просторы Онежского озера. Легко двигался теплоход и в округе тяжело перекачивались глубокие онежские воды. Удалившись от всех, стоя на ветреной стороне палубы, Пётр и Светлана говорили о чём-то волнительном, видно по жесту женщины, которая то и дело ловила конец цветастого шарфа, сжимая, подносила его к лицу.

– Светик-светлячок ну, что опять? Вроде всё-то было хорошо, даже танцы и смех, и песню задорно пела – я порадовался за тебя, а сейчас ты вновь не своя. Я сто раз уж говорил тебе – надо-те жить, не мучай себя и меня.

– Меньше всего я хотела бы сделать плохо-то тебе. Ты видишь, я стараюсь веселиться, но если больше не могу! Тот негодяй он не только Серёжу мово убил, он мне сердце разорвал, жизнь из меня вынул и вселил чёрное горе. Я силюсь, в нитку тянусь, чтоб ты со мной не мыкался, чтоб люди не огорчались, а тут... – Светлана сжала кулачки у груди, – а тут в ране кровь спеклась и нет выхода боли. Чем меня можно утешить-то?

– Другим сыном, мной, наконец! Серёжа наш старший сын, твой и мой и разве у меня меньше горе от его потери? Но я держу себя в руках, молюсь за него и живу. Я не даю воли и не растравливаю себя. За утешением едем мы-то с тобой в Кижы, а потом на Валаам. Я так надеюсь, что святые места помогут нам, и ты найдёшь ведь хоть маломальский покой.

– Покой... Я не жажду покоя-то, я горюю о моём мальчике. Он был сильный, красивый, первый в городе жених, лучший футболист. Его все знали, и тот подлец знал в кого нож воткнул, завистливое ничтожество! Нельзя желать другому зла-то, а я ему добра не желаю, пусть его паскудная жизнь станет прахом на ветру и ни в чём счастья не найдёт.

– Полно, Светлана. Успокойся. Пойдём лучше в бар выпьем от души, и тебе полегчает.

– Какое тёмное небо, почти чёрная вода и ветер колкий! Эх, если бы можно было напиться и забыться, но знаю, вряд ли получится, а коли, Петенька, пить начну-то – синькой стану запросто. Хорошо-то, мой дорогой, ты иди в бар, я к тебе приду, ещё чуток побуду тут, остыну, на хмурый вечер погляжу и приду.

– Меньше смотри-ка на воду, меньше будет-то тоски... – И Пётр оставив Светлану, медленно, понунив голову, пошёл к трапу спускаться вниз.

Никто не решался помешать им, лишь Стеша после ухода Петра подошла к Светлане с одним желанием, не оставлять её одну в слезах. Но Светлана не плакала – её подрисованные глаза были сухими, даже слишком, она порывисто повернулась к Стеше:

– Скажи, почему она меня бросила? Почему? Что я ей сделала, что?

– Кто бросил? Я не понимаю... – опешила Стеша.

– Моя мать. Почему она меня бросила? Маленькую, трёхмесячную оставила на вокзале, просто положила на лавку и всё. Ты разве не знала, я ведь круглая сирота, меня тогда люди в сиротский дом сдали. Ты вот писательница и всё понимаешь, ответь – почему она меня бросила?

– Ты хочешь, чтобы я тебе сказала?

– Да. Хочу. Скажи! Кто-то мне должен сказать, почему, почему?..

– Прошло столько лет, и у тебя всё хорошо, зачем ворошить то, что невозможно вернуть?

– Вернуть невозможно, а она, моя мать, вернёт мне сиротские годы, мои детские слёзы? Хочу и не могу понять, чем я перед ней провинилась? И как это взять и бросить свое-

го ребёнка, маленького, беспомощного? Чтоб никогда, понимаешь, никогда не желать его увидеть, обнять, поцеловать? И никогда не вспоминать...

Стеша растерянно смотрела на Светлану, ей казалось неправдоподобными её слова, но набежавшие слёзы и то, с каким отчаянием та говорила, не оставляли сомнения, она плакала по матери, которую никогда не знала.

– Попробую ответить, как я себе это представляю, – Стеша заговорила размеренно, обдумывая каждое слово. Ей хотелось утешить Светлану и не осудить ту другую, которая продолжала мучить свою дочь. – Глядя на тебя, Света, думаю, что твоя мама была красива, к тому же очень молода, а значит, добавим – и глупа. После войны люди бедовали, голодали, жизнь мало у кого была устроена. Как знать – в какую беду попала девчонка, может быть, у неё куска хлеба на день не было. Может быть, продуктовые карточки украли, а помощи подать некому. Она пока молоко было кормила тебя, а потом молоко в груди пропало, и мама твоя поняла – с ней ты с голоду умрёшь, а так люди спасут. И ведь спасли. А своей красотой ты ей обязана, а значит и своим счастьем.

– Ты, правду мне говоришь? А ведь похоже так и было. Выходит она не от меня отказалась, а наоборот, спасала мне жизнь. А я так ни разу-то не подумала. Сколько я видела в детстве сиротского горя и обид. Меня Пётр своей любовью спас, никого не послушал, родня его вся против меня была, на что нам, говорят, сдалась голодранка. А он меня пожалел, хотя говорит – за красоту в жёны взял. Он для меня и муж, и любовник, и отец, и мать.

– Забудь, что было – то уплыло. Береги своё настоящее счастье.

– Спасибо тебе, Стеша, мне легче стало как-то, – в слезах заговорила Светлана, – пойду к Петруше, а то я его сегодня сильно расстроила. До завтра, Стеша, спасибо тебе! Спокойной ночи!

Стеша, закрываясь от ветра капюшоном, хотелось спрятаться будто в ракушку, глядела на тягучие воды, занявшие весь простор, на их тяжёлый ход, думала: «Надо же, внешне красивая, яркая, праздничная, даже парадная Светлана, а в душе под спудом, словно на дне этого озера, непреходящая боль. Женщина без детства – несчастливица, сирота. Неожиданно. Ах, как жалко её! А я вот из родительского дома, многодетного, где росли мы в их любви и ласке. Одним этим счастливики! Незаметное и оказывается не-обязательное счастье. Недооценённое. А даётся большинству с детства безвозмездно и на всю оставшуюся жизнь. Я ведь только в разговоре со Светланой то счастье своё остро ощутила».

Следующим утром теплоход подходил к острову, повсюду слышалось – Кижы, Кижы! Все поторопились на палубу. И вот оно, поразительное явление! Навстречу плыл от горизонта, проходя сквозь утреннюю дымку, величественный корабль с поднятыми парусами, с чёткими очертаниями на фоне белого солнца, и казалось – ещё чуть-чуть и столкновение неизбежно. Это среди водного простора возрастал Храм, который куполами разводил облака, и при приближении утверждался в своём величии до вселенских размеров, ибо ничего кроме него среди водно-зеркальной глади больше не существовало, а весь зелёный остров представлял его подножие. Поражала стройность и Красота, красота вечная с большой буквы, та самая гармония, которую ищет по свету человек, а она порой за всю прожитую жизнь может ему и не встретиться, а тут плывёт громадным парусником навстречу, затмевая собой солнце. Теплоход причалил, и Храм застыл на месте. Люди двинулись к нему по вытоптанной тропе, с желанием увидеть не только глазами, но и от-

крытой настезь душой, чтобы далёкое стало ближе, и прошлые триста лет, преодолев время и пространство, стали одним мигмом духовной близости.

Собравшись у подножия Храма, люди столпились близ чернеца не молодого и не старого, с пытливыми глазами, серыми под цвет северного неба, худощавого с редкой бородкой, в удлинённом чёрном подряснике, в стоптанных от пройденных дорог сапогах, который вместо гида говорил:

– Что знает о жизни человек? Что он может? Когда дни его заедает суета, и они проходят как тень, затем бесследно исчезают с земли, как прошлогодняя трава, как высохший ручей. Но помышляющий о Боге человек, в дни скорби и в дни благоденствия уповающий на Него уже считай не пропащий. Именно тогда, только представьте, из Вселенских высот великий Бог преклоняет ухо своё к человеку и утешает, и одаряет его дарами. Юному, слабой стати Давиду им была дана победа над гордыней силача Галиафа, спасение своего народа от разорения. Пастуху дана власть над народом. Удача? Нет, мои хорошие, вмешалось провидение Господне. Но более власти получил Давид дар познания связующей нити между человеком и Богом, вложенный в его уста дар песнопения, рассказывающий – что для человека Бог! Воинственный царь Давид. Не раз близок был от гибели, но в гонениях, в страданиях – словесами призывал себе в помощь Всевышнего, в радости же – с ликованием воссылал ему хвалы. Жертвенность сокрушённого духа поставил выше жертвы тельцов и козлов. Деяния и творения Божии вкупе с человеческими помышлениями воплощались в его мудрейшем слове. Слово возвеличил Давид, определяя им божью сущность, и через слово выражалась воля Господа. Невидимый Бог-существо стал через слово осязаемым и понятным. Бог благо, Бог истина, Бог милосердие, Бог крепость и защита. И вот настало время прийти Слову во плоти, прийти в мир сыну Бога Живаго. Иисус из Назарета, рождённый на земле, плоть и кровь в силе вселенской. Он делами подтвердил великую божью милость, бесконечную божью щедрость и неисчерпаемую любовь к человеку простому, страждущему, болящему, грешному и безответному. Сегодня не вопрос верить, не верить – на горе Фавор при двух святых свидетелях прошлых веков и при христовых учениках апостолах воссияла зримая слава Христа, заблестали его одежды, и разлился свет фаворский с такой силой, которую не всяк смог выдержать. Пали христовы ученики, сбитые с ног этой гигантской энергией высших космических сил. Свет белых одежд разлился от одного края земли до другого и дошёл до сего острова Киж. До места пустынного, глубоко запрятанного многими водами, непроходимыми порогами в Мандрогах, глубокими озёрами Ладоги и Онеги. Однако Мастер вопреки всем преградам пришёл сюда, замыслил Храм в память о Преображении Господнем, долго выбирал для принятия света Фаворского остров и в итоге здесь, определив это место – всё правильно предусмотрел и всё-то точно рассчитал. Дар божий отпущенный ему не растратил в лености и пьянстве, а встал, чтоб без помех, в помощь Всевышнего, и уже вселенский Мастер преклонил к нему своё ухо и помыслил о нём, и тем стала благословенна работа плотника Нестора. Золотым топором Нестор без единого железного гвоздика состругал с артелью двадцати двуглавый Храм равного которому нет боле на земле. Триста лет стоит он во имя ликующего космического света, засиявшего на горе Фавор, когда разнёсся с горящих небес божий глас: «То есть сын мой возлюбленный!» В память о сём чудном явлении возвысился здесь Храм Преображения Господня, невиданной Красоты и мощи, преобразив тем самым скудные безлюдные земли Онежского моря и возвеличив русский дух, веру православную делом рук северных мастеров, благословенного Мастера Нестора по всему миру. Послушайте, чады, как Храм поёт:

«Возвеличу тебя, Боже мой, тебя царь мой!
Благословлю имя твоё из века в век, в века,
Благословлю в оный день, и в день другой,
Восхваляя имя твоё из века в век, в века!»

Сочным баритоном радостно распевая: «Господи помилуй!», монах, поклонившись толпе, пошёл во внутрь Храма и скрылся там, приглашая туристов за собой.

В досаде на себя не слушала стройную речь монаха Галина, неприятный осадок от вчерашней своей истерики заставлял вспоминать, как она рыдала из-за нитки жемчуга, думая, что его украли, вина всех и всех подозревая. И брала досада, что напрасно билась и лила слёзы, ожерелье нашлось – сама его перепрятала и забыла, а вот косой взгляд от друзей и сегодня утром заметила. И Марк ею остался недоволен, а больше всего самой нехорошо, что-то мучает до невозможности...

Первым среди друзей прервал молчание Марк:

– Что ж, вот мы – мастера своего дела, наследники Нестора, мастера от Бога, он строил для вечности, а мы строим для настоящего и не такого уж далёкого, но тоже будущего, для людей, чтоб жили с теплом и светом день за днём и нам есть чем гордиться. Себя не жалеем, близких редко видим, детей как растут не замечаем.

– Да, мы точно мастера и нам точно есть чем гордиться. В нашей каждодневной суете есть немалый смысл, потому что всё останется людям на земле, не просто память, а зримые и нужные вещи для их жизни, – заключил Дмитрий.

– Но почему же нас снедает тоска по свету фаворскому, по белым одеждам, по вечности, наконец? Манит та высшая Красота духа, создатель которой Бог! А мы как худые сосуды ею никак не насытимся, между пальцев пропускаем! За этим мы сегодня здесь. В Кижях. Разве не так? – восхищённо подняла глаза к вершинам куполов Шеста.

– Нет, не так. Мы со Светланой пришли на поклон к святым местам, к убиенному Господу молить за своего убитого старшего сына, за Серёжу. Унять неугасимую боль. И моя жена может быть по ночам, как кликуша, кричать перестанет. За божьей помощью мы здесь. В Кижях.

Солнце нечаянно, раздвинуло сердцевину облаков, будто световым потоком архангельской трубы обхватило Храм со всеми его куполами и тонкими игольчатыми крестами, отчего каждый лепесток на маковках, каждая балясина, перекладина брызнули солнечными бликами, зеркально вбирая в себя солнце и ширясь светом на глазах собрания людей. Храм источал светомузыку и под неё уходил ввысь, улетал крылатым орлом, доставая, будто клювом, верхним куполом просветлевшее небо, где весь его могучий остов обнимала синева – чудилось, что это Бог с необозримых высот приклонил своё ухо к людским голосам и каждому заглянул в душу. Любовь высших сил к человеку вновь блистала в Кижях, сиял Храм – будто белые одежды Христа на горе Фавор, наполняя людские сердца огнём любви, веры и надежды. В духовном трепете слияния непосильных чувств и потока солнечных аккордов неба с Храмом проявились слова, словно росами омывая лица:

– Снимите обувь свою, ибо земля на которой стоите святая...